

Рецепт возрождения «Русская готика» Валерия Вальрана в Музее Ахматовой рассказывает Станислав Савицкий

ВАЛЕРИЙ ВАЛЬРАН возвращает нас к старому спору о том, было ли в России Возрождение. На этот счет есть несколько мнений. Крепкие хозяйственники хотят, чтобы у такой великой страны было все, а уж тем более этот самый Ренессанс. Те, кто не находят в русских иконах ни существенной связи с античностью, ни элементов правдоподобия, воспевают Андрея Рублева и Дионисия как вершину искусства XV–XVI веков, обходясь без дальних слов. Вальран вдохновился идеями Дмитрия Лихачева, считавшего, что русская готика была эпохой художественных открытий, предвосхитивших Возрождение, которое у нас так и не наступило.

Новая выставка Вальрана в Музее Ахматовой — о разочаровании в «перестройке». Художник жалеет, что бурные годы ранней демократии превратились всего лишь в повод для воспоминаний. Правда, ностальгии в его картинах, как ни странно, нет. Для него русская готика — не только недавнее время несбывшихся надежд, но вечная готовность к тому, что все у нас опять выйдет кривым и вкось. Единственное, что остается, зару-

Без названия (2008)

бить себе на носу, что наш путь не прямой, не простой и не близкий. Так что на выставке зрителя ожидает не депрессивный отчет об историческом поражении, но новые образы русской народной надежды на лучшее. Пусть все опять закончится ядерным похмельем, но кто же думает об этом заранее.

Политически Вальран, возможно, радикальнее акционистов девяностых, поскольку не гонится за злобой дня и не зависит в оценках от арт-групп и спонсоров. Он состоялся

Без названия (2008)

именно как живописец, состоялся до того, как синонимами современного искусства стали остроумный замысел, манипуляция сознанием или намеренный китч. В семидесятые Вальран начинал как абстракционист в духе Джексона Поллока и его ленинградского последователя Евгения Михнова-Войтенко, но впоследствии много занимался фигуративным искусством. В восьмидесятые он увлекался «метафизическими» натюрмортами Джорджо Моранди и экспериментировал с жанром городского пейзажа. Спонтанный рисунок и поиски реалистического изображения — две главные составляющие его живописи.

Новый проект начинался несколько лет назад как абстракционистские импровиза-

ции на сырой бумаге — тушь и акварель оставляют на ней непредсказуемый след. Первоначально русская готика была самой неожиданностью, стихией узоров и клякс. Однако рисунки в стиле обрусевшего, махнувшего рукой на тайны подсознания Поллока не до конца раскрывали тему. Вальран решил обратиться к истокам русского реализма, переложив на свой живописный язык иконы Грека, Рублева и Дионисия. Его аналитические портреты знаменитых изображений это композиции из раскрашенных кусков мягкого холста, наклеенных на большие квадратные планшеты. Складчатые уплощенные фигуры воспроизводят пластический рисунок оригиналов, художник также повторяет их цветовую палитру. Эта умная живопись смотрится красиво и декоративно, как и бывает с искусством, рождающимся из долгого размышления. Любители изящного без труда узнают в этих картинах образы известных икон, но не найдут ни духовной надуманности, ни религиозной категоричности. Вальран ищет в старом искусстве действенное живописное изображение. Его пассивизм гораздо живее, чем скепсис или ностальгия разочаровавшихся в романтике девяностых.

Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, с 13 марта до 3 апреля

Медаль за отлитие Федор Толстой в Строгановском дворце разбегаются глаза у Ольги Лузиной

ГРАФ, СЫН ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА, Федор Толстой (1783–1873) имел блестящие карьерные перспективы, но грезил об Академии художеств. Сначала он записался туда вольнослушателем, а в двадцать один год вовсе вышел в военно-морскую отставку ради творчества. Страсть к «древним пластическим грекам» привела его в скульптурный класс Ивана Прокофьева, застенчивого классициста-лирика. Учитель предпочитал скромную гармонию декоративных рельефов и статуй; ученик тоже не стремился к бронзовым триумфам. Его ранние работы — небольшие восковые рельефы и портреты на черной доске или стекле, где «Одиссея» и сцены из жизни Александра Македонского соседствуют с «Купающимися детьми» и «Мальчиком под покрывалом» (1808–1810). Уже в них видно, что Толстому было гораздо комфортнее в камерном формате, чем в монументальном, и при работе на плоскости, нежели в круглой скульптуре. Тяжелозвонкий классицизм он смягчает романтическим изяществом и ренессансной любовью к разглядыванию мира в микроскоп.

Александр I удачно определил начинающего скульптора на Монетный двор, где тот научился аллегорически выражать большие идеи на маленьком поле и скоро стал самым известным русским медальером. Особенно ему удавались военные темы. Серия из двадцати одного медальона на темы войны 1812 года с войнами в античных одеждах получила восторженные оценки, впоследствии по ее мотивам выполнили барельефы для Александровской колонны на Дворцовой площади. Толстой сделал карьеру в искусстве: преподаватель медальерного дела — того же дела профессор — профессор скульптуры — вице-президент Академии — товарищ президента.

Всего этого ему было мало. Ему нужна была гражданская и политическая активность, он вступил в масоны, входил в руководство декабристов, впрочем незадолго до восстания отошел от заговора. В своих записках для Николая I он рассуждал о нравственном состоянии войск и внутреннем устройстве империи. Он заходил в периферийные области искусства, которые считались побочными, даже несе-

«Битва римлян с германцами» (эскиз), 1805

рьезными. Если живопись, то виды интерьеров, где в больших пустынных комнатах теряются нарядные люди и модная мебель («Семейный портрет», 1830, «В комнатах», не ранее 1832), если рисунок, то иллюзионистические натюрморты акварелью с птицами, мухами и капельками воды, отсылающие к голландским «обманкам» XVII века. Изобретал составы клеев и красок, осваивал новые техники. Тринадцать лет делал шестьдесят четыре иллюстрации к поэме Ипполита Богданови-

ча «Душенька», пересказу мифа об Амуре и Психее, в технике строгого очеркового рисунка пером, без теней и штриховки. Вырезал силуэтные композиции. Соорудил два балета, «Эолова флейта» и «Эхо»: либретто, сценарию, костюмы — просто так, в стол. Единственный монументальный заказ — рельефы дверей храма Христа Спасителя в Москве — он получил в шестьдесят три года (двери погибли вместе с храмом в 1931 году, заменены вольными копиями). В отличие от других скульпторов XVIII–XIX веков, искусство Федора Толстого можно уместить в камерную экспозицию. Русский музей выставит около ста скульптур, рисунков и акварелей из своего собрания, а также из коллекций Эрмитажа, Петергофа и Третьяковки, плюс медали, вазы и тарелки по эскизам художника, — к его 225-летию, которое случилось год назад.

Строгановский дворец, с 19 марта до 19 апреля